

БАКУНИН И ГЕРЦЕН

В ПОЛЕМИКЕ ПО СЛАВЯНСКОМУ ВОПРОСУ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО М. А. БАКУНИНА К ГЕРЦЕНУ

Статья и публикация С. Д. Лицинер

1 июля 1867 г. в л. 244-245 «Колокола» появилась статья Герцена «Из письма к М. Бакунину», посвященная проходившему в Москве незадолго до того — с 16 по 21 мая (ст. ст.) — Славянскому съезду¹. Он был организован по инициативе Московского славянского комитета, видная роль в котором принадлежала М. П. Погодину, И. С. Аксакову, кн. В. А. Черкасскому, М. Ф. Раевскому, В. И. Ламанскому и другим славянофильски, а отчасти и панславистски настроенным деятелям. Созыв съезда явился результатом подъема в 1866—1867 гг. освободительного движения южных и западных славян против турецкого и австрийского владычества. В то же время организация съезда в Москве отвечала расчетам некоторых группировок царской дипломатии и либеральной буржуазно-националистической верхушки в руководстве самим славянским движением — их целям направить это движение к усилению российского влияния на Балканах и в Центральной Европе. Удобно же возможность собрать такой съезд предоставил приезд более восьмидесяти зарубежных славянских гостей на Всероссийскую этнографическую выставку в Москве (была открыта с 23 апреля по 18 июня 1867 г.).

Оживление славянского освободительного движения и вместе с тем закулисная деятельность вокруг него русских официальных кругов, сопровождаемая демагогической риторикой в славянофильской и официозной прессе, находились весной—летом 1867 г. в центре внимания Герцена. Связанные с этими сюжетами, в частности со Славянским съездом, герценовские статьи одна за другой появлялись в каждом листе «Колокола», начиная с л. 235-236 от 1 марта 1867 г.: это «Москва — мать и мачеха», «Пророк-издатель», «На площади св. Марка», «Жаль», «Crédit et débit», «Славянская агитация», «В юже меру мерите...», «Этнографическая агитация в Москве», «Мазурка», «Катковское „Vive la Pologne!“», «Вопросы, запросы, загадки и финксы», «Первое предостережение», «Котам игра, мышам слезы». И, наконец, в л. 244-245 напечатана подытоживающая многостороннюю разработку названных тем и сюжетов статья «Из письма к М. Бакунину». На этом листе от 1 июля 1867 г. издание русского «Колокола» прекратилось (затем, 1 августа, вышел лишь «Прибавочный лист к первому десятилетию»).

Обращенность итоговой статьи по славянскому вопросу к Бакунину объяснялась рядом причин. Во-первых, задачей Герцена было осмыслить Славянский съезд в Москве в историческом ракурсе — как очередной, новейший эпизод, симптом определенного нового этапа в славянском движении за независимость и единство. Обращение к Бакунину, одному из идеологов и лидеров первого Славянского съезда в Праге (июнь 1848 г.), давало нужный масштаб для сопоставлений как во времени, так и в характере провозглашавшихся требований. В отличие от московского съезда в программных выступлениях на пражском преобладали демократические настроения, питавшиеся революционным возбуждением масс в Европе 1848 г. Во-вторых, форма открытого письма к Бакунину для завершающего выступления «Колокола» по славянскому вопросу определялась тем, что по мере печатания названных выше статей Герцена Бакунин в письмах к нему и Огареву — от 7, 23 мая, 22 июня — высказал несогласие с их позицией². Открытое письмо Герцена стало не только косвенным откликом на эти личные письма, развернутой репликой в споре — оно служило как бы «приглашением» к публичному обмену мнениями. И Бакунин принял это «приглашение».

Уже в его письмах к редакторам «Колокола» от апреля—июня 1867 г. не раз упоминается о замышлявшейся полемической статье, вернее, даже цикле статей по польскому и славянскому вопросам. «Мои мнения будут иногда расходиться с вашими, — писал Бакунин 20 апреля, — но это, не правда ли? не помешает вам их напечатать, с теми оговорками и примечаниями, которые вам покажутся необходимыми»³. Герцен приветствовал этот замысел (см. ХХІХ, 87). Работа по его осуществлению задержалась (очевидно, в связи с известием о предстоящем прекращении «Колокола»), но не была прервана. Упоминания о полемическом «письме» Бакунина, о его «французской тетради» встречаются в переписке Герцена с Огаревым за август—сентябрь 1867 г.⁴

А вопрос Герцена в письме к сыну от 3 октября: «Видел ли ты ответ Бакунина на мое письмо в „Libertà e Giustizia“?» (XXIX, 206) — свидетельствовал, что «ответ» был написан и появился в названной газете неаполитанских республиканцев.

Письмо Герцена с этими сведениями было обнародовано в 1923 г. (Л XX, 17—18). Таким образом, оно не было известно биографу Бакунина М. Неттлау, когда он, выясняя характер связей Бакунина с «Libertà e Giustizia» летом—осенью 1867 г., на основании других источников писал: «Газета получила серию статей Бакунина „в форме письма к Герцену против панславизма“ — для меня пропавшую без вести работу»⁵. Причем писал предположительно, с оговоркой: «Если газета его статью действительно получила». Статья Бакунина, а также точное время ее публикации оставались неизвестными и комментаторам 30-томного Собрания сочинений Герцена (см. XXIX, 629, 630, 635).

Подтверждающие и уточняющие сведения о появлении письма Бакунина к Герцену в «Libertà e Giustizia», и именно в № 3 за 1867 г., сообщены И. В. Григорьевой в ее книге, посвященной рабочему движению в Италии 1860-х годов. Там же кратко изложено содержание «письма». Но автору осталось неизвестным, что публикация письма была продолжена и в следующем номере газеты⁶.

Между тем незадолго до появления труда Григорьевой в Бергамо вышла из печати книга, в которой П.-К. Мазини были собраны неаполитанские статьи Бакунина: M. B a k u n i n. Scritti napoletani (1865—1867). Bergamo, 1963. А в 1977 г. в Салерно, в одном из томов серии «Testi e documenti per la storia del Mezzogiorno», был перепечатан П. Ла Велья полный комплект газеты «Libertà e Giustizia». Лишь теперь, после появления этих итальянских научных публикаций, забытое «письмо» Бакунина к Герцену предстает перед исследователями в его полной первопечатной редакции и стало возможным воссоздать тот политический и общенсторический контекст, в котором оно было обнародовано.

Начало письма появилось, как сказано, в № 3 «Libertà e Giustizia» от 31 августа 1867 г. Бакунинскому тексту здесь предшествовали редакционное вступление и итальянский перевод (несколько сокращенный) статьи Герцена «Из письма к М. Бакунину» — под общим для всего комплекса заглавием «La questione slava»⁷.

Мы далее вернемся к редакционному вступлению, а сейчас заметим лишь одно: из него выясняется, в частности, что письмо Бакунина было передано в газету им самим (очевидно, вместе с герценовским) и печаталось «в переводе на итальянский с оригинала». Следовательно, надо полагать, что, предназначенное специально для этой газеты, оно было написано по-французски⁸. Русское же письмо Герцена, как мы думаем, было предварительно переведено (с сокращениями) самим Бакуниным на французский язык, а затем уже в редакции газеты с этого французского сделан итальянский перевод (использование французского языка как посредствующего — путь обычный для прижизненных переводов русских произведений Герцена на итальянский язык). Возможно, открытые письма Герцена и Бакунина были переведены с французского на итальянский А. Туччи, который, по сведениям Неттлау, переводил и некоторые другие публицистические документы Бакунина этого времени, связанные с обществом «Libertà e Giustizia»⁹.

Публикация открытого письма Бакунина была продолжена в № 4 «Libertà e Giustizia» от 8 сентября 1867 г. под заголовком «Risposta di Bakounine ad Herzen»¹⁰. По замыслу автора, это не было еще окончание «письма». Об этом свидетельствует не только редакционное указание в конце текста: «Продолжение следует», но и сам текст, завершающийся словами: «Но прежде чем закончить это письмо, я должен еще кое-что прибавить». Однако предполагавшаяся заключительная часть письма отсутствует в последующих номерах газеты. Вероятно, она и не была написана Бакуниным. Так случилось со многими его произведениями: изложил основную мысль, он, захваченный новыми замыслами, часто охладевал к начатому труду. В данном случае это было бы особенно естественно: 5 сентября Бакунин приехал из Неаполя в Женеву на I Конгресс Лиги мира и свободы, проходивший с 9 по 12 сентября. В его работе он принял видное участие, был избран членом комитета Лиги. На очередь дня встали новые споры, новые формы деятельности.

И тем не менее проблемы, затронутые в неаполитанском «письме» к Герцену, продолжали живо волновать автора. Как свидетельствуют сентябрьские письма Огарева, Бакунина, оставшийся в Швейцарии, с нетерпением ждал приезда Герцена в Женеву, чтобы «поговорить-и поспорить», до конца месяца не оставлял намерения «кончить» открытое письмо¹¹. Возможно, именно приезд Герцена 1 октября, их личные встречи и беседы оказались той причиной, которая «сняла» продолжение, на этом этапе, печатной полемики.

ГЕРЦЕН

Портрет работы Н. А. Герцен (дочери). Масло, 1865

Из собрания Ноэля Риста (Париж)

* * *

В чем же существо спора Бакунина и Герцена по славянскому вопросу летом—осенью 1867 г.?

Прежде всего следует отметить, что это был полемический диалог единомышленников, связанных общностью последовательно демократического существа воззрений: основу позиции того и другого составляло твердое убеждение в праве каждой нации на самоопределение, на свободное развитие культуры, языка, общественных форм; протест против любых видов национального гнета господства одних народов над другими, навязывания, чуждого строя жизни.

Таков пафос открытого письма Бакунина, но такова же коренная стратегическая линия «Колокола» на протяжении всех десяти лет его издания. Герцен всегда предостерегал славян-

скую общественность от надежд на помощь Российской империи в деле национального освобождения, разоблачая корыстные цели самодержавного государства в его панславистской демагогии. И он, подобно Бакунину, видел будущее славянских народов в федерации, где «части связаны общим делом, и никто никому не принадлежит», а путь к ней усматривал в свободном союзе демократических сил этих народов (XIV, 22).

В 1860 г., на гребне общественного подъема в России, Герцен писал, обращаясь к сербам и черногорцам: «Недостаточно продолжать ненавидеть турков и не терпеть Австрии <...> надобно окончательно не надеяться на русское правительство <...> Да будут вам судьбы Польши вечным уроком». «По счастью, Зимний дворец — не вся Россия <...> Другая Россия, вне дворца, вне табели о рангах, растет <...> приветствует вас своими братьями, протягивает вам руку» (XIV, 331—334).

И в статьях весны—лета 1867 г. Герцен, клеймя властвующую в России «олигархическую реакцию», способную «сгубить, вместо помощи», «греко-славянское дело», постоянно напоминает: «Россия прежде должна дома очиститься и переделаться», обнажает в славословиях печати в честь Славянского съезда—«братания» скрытую в них пропаганду «злокачественного патриотизма» «присоединений и усвоений» (XIX, 234—235, 277).

Но тут мы подходим вплотную к водоразделу во взгляде двух деятелей русской революционной демократии на славянские дела — водоразделу, который и вызвал полемику 1867 г., отразившую различие их способов мышления.

Для Бакунина каждый эпизод московских торжеств — лишь точка отталкивания от действительности, отправной пункт для неприятия самой возможности объединения славян вокруг тогдашней России. Мысль его движется, подобно маятнику, — в плоскости прямых противопоставлений: московский славянский съезд — противоположность пражскому 1848 г., ибо противоположны программы панславистов и революционных демократов, ибо царский деспотизм, пытающийся овладеть ныне славянским движением, — враг народов и их свободы. И далее, мощная сила отталкивания от российского абсолютистского режима устремляет мысль и аргументацию Бакунина к максималистским выводам: решительное отрицание возможностей самодержавного государства стать лидером в деле освобождения славян ведет его к отрицанию государства вообще.

Так найденная статья демонстрирует те же свойства идеологических построений Бакунина, которые были отмечены Энгельсом еще в 1849 г. на материале документов и обращений, связанных с Пражским славянским съездом: «Действительность <...> изображается как нечто абсолютно негодное, произвольно установленное „конгрессами деспотов“ <...> Этой дурной действительности просто противопоставляется мнимая народная воля со своим категорическим императивом, с абсолютным требованием „свободы“»¹². К 1867 г. эти требования кристаллизуются уже, что открыто провозглашено в «письме», в анархическую программу тотального отрицания. И здесь же, в «письме» Бакунина, можно наблюдать, как этот максимализм отрицания компромиссов на практике оборачивается перечеркиванием реальных, сиюминутных задач славянского освобождения: «Лучше нашим братьям потерпеть еще некоторое время от варварского гнета турок и цивилизаторских притеснений немцев, чем быть спасенными царями».

В ином направлении развивается мысль Герцена — не к анархическому абстрактному, абсолютному отрицанию сущего, а к опоре на самую действительность, на объективное движение истории, каким бы сложным оно ни было. В конце 1864 г., анализируя в статье «Что же дальше?» новую политическую ситуацию в Европе после разгрома царизмом польского восстания, когда наступила полоса торжества реакционных режимов, военных захватов и присоединений, Герцен размышлял: «Нас оскорбляет, что дела идут не по нашей программе, что пути их не разумны, не чисты; взволнованные рядом жертв и злодейств, мы забываем, что они все же идут. История не создается à priori, не творится из одной мысли. Разум не имеет столько власти над фактами, чтоб заправлять ими, не принимая постоянно в расчет событий совершившихся — они составляют необходимую базу его операций <...> Только в этом сочетании фактического материала с сознательным идеалом и состоит историческое деяние». Разоблачая захватническую политику реакционных правительств, эксплуатирующих в своих целях национальные интересы народов, Герцен предвещает крах насильственным империалистическим агломерациям и рождение им на смену демократической федерации народов. Его оптимистические прогнозы охватывают как будущее Европы в целом (ибо хотя «народы снова покорились древним властям, но покорились не прежними»), так и, в частности, «славянского мира», перед которыми на очередь

дня выступает особенно неотвратимо борьба за «федерализацию», «равноправный славянский союз» (XVIII, 300—309).

Тем же пафосом объективного историзма, уважением к поступательному ходу самой жизни, которому можно способствовать, лишь «подвигая историческую стрелку» в направлении ее собственного движения (XIX, 234), проникнуто, как уже сказано, открытое письмо к Бакунину в последнем, июльском «Колоколе». Им дышат и все статьи Герцена весны—лета 1867 г., посвященные «восточной волне» (XXIX, 88). Для него любой инцидент на Московском съезде — не повод для абсолютного отрицания искаженного панславистскими тенденциями движения, а клубок реальных жизненных противоречий, анализ которых неизменно ведет к заключению о назревшей необходимости коренной демократизации общественного строя страны. Это непрелюбимое условие прочного объединения славянских народов вокруг России в их предстоящей борьбе против турецкого и австрийского господства. А поскольку такое объединение — объективная историческая тенденция, лишь революционные, передовые силы России могут служить их естественным союзником, неустанно напоминает Герцен (в частности, указывая на роль Бакунина в Праге 1848 г., на интернационалистскую пропаганду Вольной русской типографии), лишь они могут стать бескорыстной и действенной опорой славянского освобождения.

На эту «историческую гравитацию» как на «настоящую точку» отсчета в рассуждениях о славянском вопросе указывал и Огарев в сентябре 1867 г., когда, ознакомившись с французской рукописью «письма» Бакунина, счел необходимым включиться в спор («Я не могу согласиться в некоторых основаниях») ¹³. В ответе Бакунину он так развивает эту мысль: «Освобождение из-под турко-австро-мадьярского гнета становится исторической необходимостью и требованием гуманности. Большое противоречие, возникающее на этом пути, заключается в следующем вопросе: станет ли у славян силы, чтобы самим сбросить ярмо? Это вопрос, который они себе поставили и который неизбежно влечет их к России, какова бы она ни была, с тем, чтобы, воспользовавшись ее помощью, потом порвать с нею, если она к тому времени не осуществит у себя реформу <...> Но ты не можешь не видеть, что рано или поздно Россия и только Россия (ибо другого никого нет) придет на помощь освобождению славян. Это стремление — историческое тяготение, от которого так же невозможно уйти, как от земного тяготения <...> Из великого столкновения должна разгореться крестьянская революция (другой и не существует) во всех ее формах, и что поделаешь, если элементы ее могут быть порождены одним лишь славянским востоком?» ¹⁴

Заключительные положения этого фрагмента связаны с иллюзиями, характерными для «русского социализма». Следует учесть притом, что выраженная здесь столь безапелляционно обращенность революционных надежд исключительно к крестьянству и в связи с этим к «славянскому востоку» становилась постепенно тем пунктом, который в конце 1860-х годов начинал уже отличать позицию Огарева от герценовской, по мере движения мысли последнего к объективной социологии, к намечающемуся единому углу зрения на перспективы социализма в России и Европе ¹⁵. Большая политическая широта, масштабность взгляда Герцена сказались в тех же статьях 1867 г., в частности в знаменитой «громовой» (XXIX, 116) «Мазурке», где славянский вопрос рассматривается не только в плане судеб славянской демократии. В обстановке роста империалистических тенденций бисмарковской Германии, наполеоновской Франции, царской России Герцен теоретически осмысливает национальный вопрос в его целом, в соотношении с общими перспективами революции и социализма, всего исторического развития — как проблему, подчиненную им. Этот критерий позволил ему четко отделить национально-освободительное движение угнетенных народов (которому он выражает сочувствие) от спекуляций правящих кругов разных стран на национальном чувстве народных масс для отвлечения их от «вопросов революционных и социальных» (XIX, 270).

Так же и в рассматриваемой полемике выступление Герцена характеризуется интернациональной широтой и вместе с тем политической конкретностью подхода к национальной проблеме. Герцен как бы предвосхищает мысль Ленина: «Право на самоопределение есть одно из требований демократии, которое, естественно, должно быть подчинено общим интересам демократии» ¹⁶.

Теперь нам нетрудно заметить, что сами идеи исторического тяготения к России, как они мыслились Герценом и Огаревым, прозорливо улавливали подлинные тенденции развития этих народов: с тех пор это было подтверждено и в близких к рассматриваемому моменту, и в более далеких, но и более результативных исторических коллизиях и катаклизмах. Существенно, что эти идеи и тогда уже разделялись передовой частью демократической славянской общности.

Так, когда в обсуждение перспектив славянства летом 1867 г., включился журнал группы польской революционной эмиграции «Gmina», проводя мысль о славянской демократической федерации и выражая полную солидарность с «Колоколом»¹⁷, в частности непосредственно с открытым письмом Герцена к Бакунину, редактор журнала «Gmina» Ю. Токажевич писал Герцену 11 августа: «В вашу Россию, даже с вашими прадедами-тиранами, дедами-палачами и отцами-помещиками, можно влюбиться...»¹⁸ Для меня *иная* будущность славянского мира — не только вера по Гегелю, как для Бакунина, но и по евангелью, как для Ворцеля. Без России же славянство немислимо: нет для него ни *выгода* на работу, ни даже работы»¹⁹.

Таким образом, полемика Бакунина и редакторов «Колокола» летом—осенью 1867 г., демонстрируя непримиримую враждебность обеих сторон к формирующимся великодержавным доктринам панславизма, обнаруживает вместе с тем со стороны Герцена и Огарева (при отмеченных оттенках и в их взглядах) ббльшую, чем у Бакунина, степень исторической конкретности, прозорливости в их подходе к проблемам славянского освободительного движения.

Общий пафос революционно-демократической этики нашел яркое выражение и в эмоциональном строе открытого письма Бакунина. Его пламенная речь сильна испепеляющей ненавистью, логикой всеобъемлющего отрицания царского деспотизма, идеологии и морали его приспешников-панславистов. Однако это логика абстрактных, абсолютных противостояний желаемого и сущего. Вновь найденное «письмо» Бакунина позволяет полнее восстановить еще один узловый момент в идейном расхождении его с Герценом, которое неуклонно углублялось со времени приезда Бакунина в Лондон в 1862 г.²⁰ Притом узловым моментом, в котором за «разногласием в тактике» начинает уже проступать та «пропасть между мирозерцанием»²¹ (отражающая разные социальные тенденции в революции), которая явственно обозначится вскоре в письмах «К старому товарищу».

* * *

«Демократически-социальный» еженедельник «Libertà e Giustizia» был основан в Неаполе в августе 1867 г. группой итальянских республиканцев-социалистов (Дж. Фанелли, Р. Милетти, К. Гамбуцци, А. Драмис, С. Фриша, А. Туччи, П.-В. де Лукка и др.), которые составляли ядро образовавшегося в феврале этого года радикально-демократического общества с тем же названием «Libertà e Giustizia» («Свобода и справедливость»). Газета выходила с 17 августа по 24 декабря 1867 г. Всего вышло 16 номеров. Ответственным редактором первых двенадцати номеров был Джузеппе де Тиволи, последующих четырех — Карло д'Орси. С начала издания в ней декларировалась близость к I Интернационалу, были опубликованы некоторые его документы и предисловие К. Маркса к т. I «Капитала». Примечательно, что Маркс, получив два первых номера газеты, в письме к Ф. Энгельсу от 4 сентября заметил (по поводу «удачной атаки на Мадзини» в № 2): «Полагаю, что к этому причастен Бакунин»²².

Действительно, редакция газеты испытывала воздействие идей Бакунина. Почти все ее сотрудники ранее, в 1865—1866 гг., были привлечены им в «Тайное интернациональное братство освобождения человечества». Однако сферой преимущественных интересов неаполитанской группы «Libertà e Giustizia», как и ее печатного органа, было, при их возникновении, национальное и социальное освобождение Италии.

Публикации открытых писем Герцена и Бакунина в № 3 «Libertà e Giustizia» предпослаю следующее предисловие редакции:

«Славянский вопрос, несомненно, один из наименее знакомых и совсем мало обсуждаемых в Италии, но в то же время один из важнейших и серьезнейших. Ведь речь идет о сотне миллионов человек, населяющих пространство от Балтийского до Черного моря, от Урала до Альп. Правда, эта раса не имела такой славной и блестящей истории, как латинская и германская расы; правда также, что ее художественная и литературная история не представляется столь же богатой, как у них; правда и то, что славянские народы находятся еще в состоянии полуварварства. Но все это не создает препятствий освобождению и возрождению славян, а напротив, может послужить им на пользу. Уж мы-то, итальянцы, это знаем по опыту, не говоря о других. С Данте мы пытались воскресить исторический призрак Римской империи, с Кола ди Риенцо и Петраркой²³ — призрак республики, и нас постигло разочарование. И в то время, как гвельфы и гибеллины с неописуемой яростью в диком смятении гнали за двумя великими призраками Истории, называвшимися Церковью и Империей, пока на бурном небе Италии расцветала великопнейшая радуга изящных искусств, у нашей родины исподтишка, предательски отнимали свободу, честь и независимость. Что же сделали за три долгих столетия, чтобы помочь ее

возрождению, наши писатели, исключая немногих, самых гениальных? Разве ныне главным источником коррупции и самой большой помехой свободе не служит официальное образование, университетское доктринерство и их следствие — столь распространенная лжеученость? Добавим еще, что во все времена Италию топтали и терзали нашествия с Севера, ибо варвары вообще всегда одерживают верх над древними, пришедшими в упадок народами, разложение которых является условием появления и существования варваров. Итак, речь идет о том, чтобы понять, станут ли эти огромные людские массы могучей опорой для завоевания всемирной свободы, или же, схваченные когтями российского орла, они окажутся страшным орудием всеобщего угнетения. Этот вопрос представляет чрезвычайный интерес для всех народов, особенно же для итальянцев, соприкасающихся со славянами на своих восточных границах и уже имевших немало горчайших случаев узнать, чем может быть славянин в руках австрийского деспотизма²⁴.

Мы охотно предоставляем слово по этому вопросу двум европейским знаменитостям, двум прославленным русским патриотам, посвятившим всю свою жизнь и свой замечательный ум борьбе за победу народного дела и дела свободы у себя на родине и повсюду.

Герцен, редактор известного русского журнала „Колокол“, печатающегося в Женеве, опубликовал недавно письмо к Бакунину по поводу Славянского этнографического съезда. Воспользовавшись этим предлогом, Бакунин в своем ответе вновь поднимает славянский вопрос с той же энергией, с какой поднимал его на Славянском конгрессе в Праге в 1848 г. и впоследствии. Учитывая серьезность дискуссии и важность затронутых вопросов, мы приглашаем наших читателей и всю печать внимательнейшим образом отнестись к этому письму, полученному нами непосредственно от Бакунина. Мы очень рады представить его нашим читателям в переводе на итальянский с оригинала.

Как видим, во взглядах итальянской редакции на историю и будущие судьбы славянства наряду с ложными представлениями, бытовавшими на Западе, сказалось знакомство с русским общинным социализмом — с публицистикой Герцена предшествующих лет, с представлениями Бакунина о «традиционном социализме» славянских народов, связанном с их исторической отсталостью. При этом существенно, что редакцией «Libertà e Giustizia» подчеркнута актуальность поднятой в дискуссии Герцена и Бакунина славянской проблемы для международного революционного движения в целом, мировое значение ее демократического решения.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Подробнее о его подготовке и ходе см. в кн.: С. А. Н и к и т и н. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960, с. 166—235.

² См.: «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, с. 195, 204—205, 209. Опечатка в дате последнего письма исправлена в «Лит. наследстве» (т. 62, с. 776).

³ Письма М. А. Бакунина, с. 199, см. также с. 194, 195, 209.

⁴ См. письма Герцена от 31 августа, 14, 16, 19 сентября (XXIX, 187, 198, 200, 202), Огарева от 12, 14, 23 сентября («Лит. наследство», т. 39-40, с. 472—474).

⁵ M. N e t t l a u. Bakunin und die Internationale in Italien bis zum Herbst 1872 («Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Bd. II. Leipzig, 1912, S. 291). Исследователь основывался на сведениях из находившегося в его распоряжении неопубликованного французского письма Бакунина от 19 августа 1868 г. и цитировал его. Ср. также: M. N e t t l a u. Bakunin e l'Internationale in Italia dal 1864 al 1872. Ginevra, 1928, p. 117.

⁶ И. В. Григорьева. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху Интернационала. М., 1966, с. 55, 318. Микрофильм № 3 «Libertà e Giustizia» поступил к этому времени в фонды библиотеки ИМЛ (Москва).

⁷ В содержании номера публикация обозначена так: «Questione slava: lettera di Herzen ad Bakounin ed risposta di Bakounine ad Herzen» («Славянский вопрос: письмо Герцена к Бакунину и ответ Бакунина Герцену»).

⁸ Возможно, в него включена автором в переработанном виде и написанная в мае часть русской статьи для «Колокола» (см.: Письма М. А. Бакунина, с. 194, 209).

⁹ M. N e t t l a u. Bakunin und die Internationale... («Archiv...», S. 288).

¹⁰ «Libertà e Giustizia». Salerno, 1977, p. 81—83.

¹¹ «Лит. наследство», т. 39-40, с. 473, 474.

¹² Статья «Демократический панславизм» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. 291).

¹³ «Лит. наследство», т. 39-40, с. 472, 477. Следует попутно указать на неточность, допущенную в названной выше книге И. В. Григорьевой, полагающей, что «журнал „Libertà e Giustizia“ послылся Герцену» (с. 318). В действительности не только Герцен и Огарев не видели — по крайней мере до октября — итальянской публикации, но и Бакунин со времени отъезда из Италии не получал еженедельника, на что жаловался 25 октября в письме к К. Гамбуцци и Дж. Фанелли. См. указанную статью М. Неттлау («Archiv...», S. 290).

¹⁴ «Лит. наследство», т. 63, с. 156—157. Публикатор С. А. Никитин датировал этот текст «маем—июнем 1867 г.», в комментариях же 30-томного Собрания сочинений Герцена он связывается с упоминаниями в сентябрьских письмах Огарева о работе над «возражением» на открытое письмо Бакунина (XIX, 630). Теперь, после нахождения самого «письма» Бакунина, прямая соотнесенность с ним именно этих рассуждений Огарева становится очевидной, а тем самым приобретает несомненную достоверность и тезис, что названные упоминания в письмах от 12, 14, 23, 27 сентября относятся к этому «ответу Бакунину» («Лит. наследство», т. 39-40, с. 472—474, 477). Таким образом, письмо Огарева датируется серединой сентября 1867 г. Работа над ним велась по крайней мере несколько дней, автор придавал ей большую важность. Эти сведения, а также то, что письмо написано по-французски, позволяет заключить, что оно по замыслу было, как и документы Герцена, Бакунина, открытым письмом, предназначенным для печати. Возможно, текст его дошел до нас не полностью. Во всяком случае, затронутая в споре проблематика оставалась актуальной для Огарева и после завершения письма. 27 сентября он признавался Герцену, что «писать просто о славянском вопросе» его «ужасно подмывает» (там же, с. 477).

¹⁵ См. об этом в работе: С. Д. Гурвич-Липшиц. Об идейной эволюции А. И. Герцена в 60-е годы (Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., «Наука», 1965, с. 176—179).

¹⁶ Статья «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 260).

¹⁷ См. статью о «панславизме» в № 7 от 30 июня и в № 8 от 15 июля статью Ю. Токаржевича «Perwszy lipca 1867» («Первое июля 1867 г.») — обращение к издателям «Колокола» по поводу его десятилетия (перевод — «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей», т. III. М., 1958, с. 996—998). Герцен ответил на оба выступления в статье «Польское дело» («Колокол», «Прибавочный лист к первому десятилетию» от 1 августа 1867 г.): «*Двадцать лет* криду мы проповедуем, что славянскому миру только и есть будущность, что в *федеральном союзничестве*, а потому-то нам и дорого сознательно понятое сочувствие со стороны юной Польши» (XIX, 299).

¹⁸ Непосредственный отклик на критику Герценом в статье «Суд в Париже и убийство в Петербурге» гражданственной неразвитости и других пороков русского общества как исторического наследия крепостного права и абсолютизма (см. «Колокол» от 1 августа 1867 г.; XIX, 297—298).

¹⁹ «Лит. наследство», т. 62, с. 581.

²⁰ Сам Бакунин в письме к К. Марксу от 22 декабря 1868 г. говорит о «политическом» разрыве с Герценом, «особенно с 1863 г.» (сб. «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, с. 166—167).

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, с. 288.

²³ *Кола ди Риенцо* — вождь антифеодалного восстания в Риме 1347 г. и глава Римской республики, провозглашенной в мае 1347 г. (продержалась до декабря 1347 г.; вновь ненадолго восстановлена в 1354 г.). Ф. Петрарка воспевал в стихах «благородный дух» Кола ди Риенцо, побуждая его к решительным мерам в борьбе с феодальными магнатами.

²⁴ В австро-итало-французской войне 1859 г. австрийские соединения, набранные из южных славян (хорватов, далматинцев и пр.) и действовавшие в Ломбардии против войск Гарибальди, отличались особой жестокостью.

ОТВЕТ БАКУНИНА ГЕРЦЕНУ *

Любезный Герцен,

Не благодарю тебя за лестные вещи, которые ты с такой добротой сказал мне в своем письме. Между нами нет места комплинтам, ведь ты бы не писал того, что не думаешь. Но боюсь, любезный друг, как бы это письмо не породило недоразумений, как бы в глазах плохо осведомленной Европы мы оба не показались сторонниками панславянской политики, введенной императором Николаем и с таким пылом продолжаемой русским правительством, той политики, против которой мы непрерывно боролись всю жизнь.

Говоря о втором Славянском съезде — не о первом, как ты его назвал ошибкою, поскольку первый, несравненно более значительный, чем этот, состоялся в Праге в 1848 г. и действительно оказал мне честь, избрав своим членом, — итак, говоря об этом новом съезде, который устроили в Москве по случаю Этнографической выставки, ты удивляешься и огорчаешься тем, что мое имя не было упомянуто, тогда как я был, как ты справедливо говоришь, одним из первых среди тех русских, которые приняли участие не только со стороны теории, но деятельной и практической в развитии, — хотя, увы, не в окончательном разрешении, до ко-

* Перевод с итальянского М. И. Перпер.

торого, по-моему, еще очень далеко, — великого и животрепещущего вопроса об освобождении славянского племени. Этот вопрос, на самом деле, не легок и не мал, потому что речь идет об освобождении ста миллионов рабов в Европе, в том числе шестидесяти миллионов славян в Российской империи, находящихся в рабстве, быть может, ничуть не менее тяжком, чем рабство славян в Турции. Ты, кроме того, оказываешь мне справедливость, признавая, что я всегда отдавал все силы, действуя согласно своим убеждениям, не заботясь о пустой славе и общественном признании. Потом, посмеявшись над странными превращениями, которые должны были претерпеть твои и мои мысли, прежде чем быть представленными публике как в Петербурге, так и в Москве, ты прибавил, примерно, следующее: «Для нас не имеет значения, назовут нас или нет, если посеянное нами зерно проросло и обещает богатый урожай, — хотя пшеница и смешана с лебедой».

Вот тут, любезный Герцен, я должен сделать замечание и в случае необходимости заявить протест. Ты ведь не хотел сказать, что дело, которому среди банков и балов этот съезд славянских простаков и мошенников посвящал свои труды, было тем самым делом, которому мы с тобой посвятили свою жизнь, с тех пор как стали сознать себя?

Если бы такова была твоя мысль, то я должен был бы действительно протестовать всеми силами души. Но ты не мог так думать. Что общего между целью, которую мы себе ставили, и той, которую ставят себе теперь в Москве и в Петербурге с разрешения русского правительства? Какая солидарность возможна между нами, непримиримыми врагами не только императорской тирании, но и любой системы насильственного объединения, удушающей и угнетающей людей под видом управления, и этими панславистами, добровольными рабами, фанатическими сторонниками чудовищной централизации, которая носит имя Российской империи? Мы всегда стремились к свободе, ко всякой свободе: научной, социальной, политической и религиозной; они же всегда и во всем предпочитают рабство. Мы стремимся к безоговорочной истине, они — к вечной лжи. Мы всегда хотели быть сначала людьми, а потом уже русскими, они же, русские, в конце концов позабыли, что они люди, и, развращенные нелепым тщеславием более, чем страстью дикого патриотизма, опозорили имя русского и унизили дело нашей родины. Итак, повторяю, что может быть общего между ними и нами?

Ты, Герцен, должно быть, как-то сошелся с ними на одной из идей, так блестяще излагаемых в твоих статьях, — относительно общинного устройства земельной собственности в нашей стране и того, что ты так удачно назвал естественным и традиционным социализмом русского мужика. Но даже и в этом какая пропасть лежит между вами! Наши панслависты хотели бы, чтобы в общинном землепользовании преобладал патриархальный элемент, отеческая власть, прежде всего верховная власть царя-опекуна, этого бесчеловечного отца своего народа, и ее неизбежное следствие — бесконтрольная власть царских чиновников, грабящих и поряющих крестьян, — и все с благословения нашей родной и святой православной — и официальной — церкви. Ты, социалист до глубины души, ненавидишь патриархальность и деспотический режим — вечные причины застоя и апатии, одичания и медленного разложения как в семейной жизни, так и в жизни народов. Ты полагаешь, что можно бы обойтись без царя и его чиновников. Ты ненавидишь нашу черную бюрократию — военную и гражданскую, ты не любишь и нисколько не уважаешь нашу церковь, это учреждение религиозной полиции, действующее в пользу государства, — самую тупую, невежественную и подлую среди всех церквей; ты вообще отвергаешь все, что отдает культом государства.

Итак, в конечном счете тебя можно считать, по крайней мере теоретически, решительным врагом всякой религии и любой церкви, как и всякой государственной власти. Ты стремишься к свободной организации общества снизу вверх, основанной на его естественных влечениях, интересах и потребностях и руководствующейся только разумом, как общим, так и отдельных индивидов, как теоретическим, так и практическим, — а не к организации общества сверху вниз по методу централизованных и унитарных государств, которые всегда основываются единовременно с помощью вооруженного насилия и держатся систематическим от-

равлением порабощенного населения религиозной ложью, ложью, которую в нецивилизованных странах и среди обучающегося юношества заменяют лженаука и убогое доктринерство немногочисленных официальных патентованных и привилегированных мыслителей, по самому своему положению заинтересованных в том, чтобы лгать во имя той истины, которую им поручено преподавать. Ты любишь свободу и требуешь серьезных и реальных мер, для того чтобы она стала всеобщим достоянием, отстаиваешь право каждого владеть землей и капиталом... Одним словом, ты федералист, ты социалист и я — твой единомышленник. Что же может быть общего у нас с московскими панславистами?

В одном пункте, однако, я с ними схожусь: я не согласен, в отличие от многих других русских, разделяющих наши взгляды, игнорировать славянский вопрос. Я по-прежнему убежден в громадной важности этого вопроса не только для России, но и для всей Европы и считаю, что от того, как он будет разрешен, зависит все будущее Европы; поэтому передо мною всегда стоит дилемма: окажется ли славянское дело на стороне свободы и станет мощным средством освобождения России из ее нынешнего рабского состояния или же на стороне Российской империи — и сделается не менее мощным орудием подавления свободы во всей Европе? — вообще, подобно независимым и искренним панславистам (панслависты, находящиеся на содержании у русского правительства, не имеют ни убеждений, ни чувств), я чувствую себя славянином; как и эти бедняги, одураченные имперской панславистской политикой, я испытываю глубокую симпатию к нашим братьям-славянам, одинаково угнетаемым в Пруссии и в Австрии, в Турции и в Российской империи.

Между мною и этими панславистами есть одно простое и небольшое различие: они ждут освобождения славянства от усиления мощи царской империи, а я — от ее разрушения. Ибо я убежден, что, пока существует эта империя, она будет удерживать в самом жестоком рабстве и полуславян Великойроссии, и чистых славян Малороссии, Подолии, Волыни, Белороссии, Литвы, Польши — не в силу злонаравия нашего правительства, которое, впрочем, на доброту никогда не претендовало, а просто по необходимости, вытекающей из самого существования империи. Поскольку отдельные части этого рокового имперского конгломерата чужды друг другу и по инстинкту, и по своим интересам, их связывает лишь убедительная угроза Саблы да Кнута, и лишь с помощью насилия империя может сохранять свою власть и существование. При неизбежно деспотическом внутреннем устройстве царизм и в своей внешней политике может стремиться только к уничтожению всякой свободы. Поэтому нужно быть просто безумцем, чтобы требовать от царизма освобождения славян Пруссии, Австрии и Турции! Кто же видел, чтобы жестокость помогла человечности, чтобы деспотизм способствовал свободе?

Поймут ли когда-нибудь, что только свободные люди и народы могут создать, укрепить и защищать свободу, деспотизм же хлопочет о свободе, только чтобы предать и задавить ее. Рабы из рабов, хуже которых нет в мире, московские панслависты воображают, что могут дать свободу другим! Но начните с самих себя, разбейте свои собственные вековечные цепи, дайте прежде миру доказательство своей независимости, человечности, своего достоинства, а потом уж проповедуйте справедливость и свободу другим народам! А иначе всякий раз, как вы заговорите об этом, вас будут с полным правом считать обманщиками или орудиями обмана.

Для наших братьев-славян я больше всего боюсь именно этого традиционного в нашей империи обмана. Русское правительство, чинящее жестокую расправу внутри страны, за ее пределами всегда проявляет чрезвычайное лицемерие, сбрасывая маску лишь тогда, когда полагает, что может безопасно для себя действовать с привычной и присущей ему жестокостью. Польша и Малороссия, страны преимущественно славянские, имеют уже некоторое представление об этой жестокости! Я боюсь, что славяне подвергнутся унижительному, деморализующему и потому пагубному воздействию этого правительства, способному уничтожить саму сущность жизни и будущность славянства; так что я всегда считал, что лучше нашим братьям потерпеть еще некоторое время от варварского гнета турок

и цивилизаторского притеснения немцев, чем быть спасенными царями. Безмерно тяжелое, страшное покровительство царизма могло бы убить в них то, что никогда не удавалось убить ни туркам, ни немцам, — славянскую душу, славянские языки и обычаи, их природную свободу, общинные и областные вольности, их традиционный социализм, ту экономическую солидарность, которая никого не исключает из права пользования землей, их прекрасное славянское братство... Одним словом, все те столь драгоценные свойства, которые славяне сумели сохранить веками в самых тяжелых обстоятельствах и которые, оплодотворившись новым духом, духом великой Справедливости, великой Свободы и всеобщего Братства, положат когда-нибудь основание новой цивилизации.

Есть еще одно огромное различие между мною и нашими панславистами. Они все унитаристы любой ценой и общественный порядок предпочитают свободе, я же анархист и предпочитаю свободу общественному порядку, то есть — скажу по-другому, чтобы моим врагам было не за что зацепиться, — я федералист с головы до пят. Выше всего я ставлю братство и единение, я убежден, что человечество неудержимо движется к свободному объединению и образует — когда, не знаю — великую всемирную федерацию. Но я ненавижу централизованное единство, находящее в наше время сбыт на тех огромных рынках, где торгуют благоденствием народов, — в Петербурге, Вене, Берлине, Париже, а ныне, может быть, и в . . .*, в Риме же — во все времена. Это идея по сути своей самодержавная, католическая, религиозная, божественная, сверхчеловеческая и, следовательно, мацциниевская — идея, общая для Национального конвента, Робеспьера, Сен-Жюста, Наполеона, для панславистов — фанатиков византийско-московского православия — и особенно для папы, этого великого еретика с нашей, раскольников другого толка, точки зрения. Итак, я ненавижу это единство, настоящую могилу духа и свободы, единство, губительное для внутренней организации не только народов, но и рас. Сейчас мне необходимо выразить свою ненависть к панславизму, но в равной степени мне отвратительны пангерманизм, панлатинизм и все прочие пан...измы в мире, потому что я убежден: в каждом из таких конгломератов кроется отрицание человечности и человечества, страшная опасность для всеобщей свободы. Правда, таким способом удается иногда приобрести и на какой-то срок удержать значительное материальное могущество, возрастающее, впрочем, за счет духовных потерь, но так нельзя достичь интеллектуального и нравственного величия, прочного благосостояния; можно навлечь бедствия на человечество, но никак не принести ему благо.

Вернемся же к этому Славянскому съезду в Москве, который ты, друг мой, неправильно называешь общеславянским, тогда как поляки там не присутствовали; я смотрю на него как на подлинную катастрофу и огромную беду для славянского дела. Эти славянские депутаты, явно потерявшие всякую надежду на самостоятельную будущность, веру в жизнеспособность своих народов, готовые принести в жертву царю Александру и ревнивое чувство автономии, и дух местной независимости, составляющие самую основу славянского характера, эти депутаты отправились в Петербург кланяться помощи у империи, не славянской и даже не русской — разве только по названию, — империи, которая всегда обманывала, предавала и продавала славян, никогда не уважала никаких прав, никаких народных обычаев; которая, например, ныне деспотически навязывает населению Малороссии великорусский язык, как в прошлом столетии таким же образом навязывала ей крепостничество; империи, которая с самого своего возникновения ничего другого не ведала, ничем другим не занималась, как только обирала, грабила, порабощала, давила, душила, истребляла народы и отдельных людей — все для выгоды бесчисленной массы своих чиновников и ради вящей славы своего подлинного божества — царя. И для совершения этого акта подчинения, отказа от самих себя эти депутаты выбрали еще такое печальное время.

Герцен, ты сожалеешь, что на этом Славянском съезде не вспомнили моего имени. Но там забыли другое имя, несравненно более важное, чем мое, имя вели-

* Многоточие в итальянском источнике. — *Ред.*

кой, благородной и несчастной Польши, без возрождения и восстановления которой невозможна ни свобода, ни само существование славянства, Польши, которую новый славянский император, Александр II, как раз накануне встречи депутатов в Москве приговорил к уничтожению и русификации, иначе говоря, к полной и решительной татаро-германизации. Многим из депутатов съезда пришлось по пути в Россию проехать через эту Польшу, еще окровавленную, растерзанную и трепещущую от ужасов последнего подавления; они не могли не видеть там следов *московитского* братания *; не понимаю, по правде говоря, как эти страшные свидетельства не послужили им предостережением, не заставили их вернуться с дороги и бежать прочь от святотатственного съезда! Но нет! Они храбро прошагали по трупу славянского народа, спеша пожать руку его убийцам. Вот точная характеристика этого съезда: он состоялся на трупе Польши. Дураки или предатели, идиоты или мошенники, простаки или мерзавцы — вот кто преобладал среди русских и славянских депутатов этого зловещего сборища в Москве. А те немногие, кто не подходит ни под одну из названных категорий, вовлеченные туда случайно или обманом, должны были вернуться домой, навсегда излечившись от иллюзии московского побратимства.

Я прочитал, любезный Герцен, отчеты этого московского съезда ¹, в котором — несомненно, чтобы Москва была представлена более полно и достоверно, — наше правительство заставило участвовать целую толпу крупных и мелких чиновников в парадных мундирах, не забывая и проклятых душ Шувалова, чинов высшей полиции, в том числе, конечно, и жандармов, по самой своей природе являющихся самыми пылкими патриотами империи. Корифеи литературы ныне терпимой и разрешенной, коноводы литературы продажной и покровительствуемой правительством, несколько либеральствующих и демократствующих с официального разрешения администраторов, несколько рьяных славянофилов среди многих панславистов на содержании у государства — вот русские Демосфены и Цицероны этого съезда ². Я прочел их речи: какая ложь! Какое кощунственное злоупотребление самыми святыми словами и какие подлые мысли! Какое ребячество и дурацкое притворство! Какое гнусное раболепие и сколько себялюбия! Можно сказать, что там собралось дурачье и жулье со всего света, чтобы возвестить миру торжество глупости и полнейшей деморализации! И это, следовательно, программа расы молодой, с богатым будущим, расы, которая с основанием, пожалуй, гордится тем, что является наследницей двух предшествовавших ей в истории рас?

Один молодой серб записал в альбом московской высокопоставленной дамы знаменательные слова: «Счастливы народ, обладающий национальным дворянством!» ³ Несчастный! В наказание за эту чепуху стоило бы приговорить его всего лишь к тому, чтобы он оказался в шкуре русского мужика, каково ему было десять, пять лет тому назад, нет, что я говорю, даже сейчас, чтобы он раз навсегда избавился от привычки рассуждать о национальном дворянстве. Один из русских участников съезда произнес шутовскую речь, смысл которой примерно таков: «Мы, русские, никогда не упускаем случая выпить. Пьем мы в радости и пьем с горя. При вашем приезде мы выпили, чтобы выразить свою радость, а сегодня пьем, потому что скорбим о вашем отъезде. Надеемся еще встретиться с вами и снова выпить в вашей компании» ⁴. Вот оно как! Бедные славяне, бедные простофили! У этого бедняги есть основание разыгрывать шута; когда вы на самом деле окажетесь под покровительством русского императора, у вас тоже не будет иного утешения, как это, — подобно русскому народу, придя в отчаяние от действительности, не обещающей никакого выхода, и будучи, быть может, слишком реалистами, чтобы довольствоваться утешениями религии, вы устремитесь в рай пьянства.

* Что касается меня, я принимаю эпитет «московитский», которым неправильно пользуются поляки, обозначая им всех нас: и народ и правительство, — я принимаю этот термин, чтобы применять его исключительно ко всему нашему официальному миру. Так употребляют его малороссы, называющие «москалями» даже своих соотечественников — тех, которые становятся солдатами, чиновниками либо литераторами, писателями, преданными русскому правительству.

Но лучшую из речей произнес князь Черкасский. Я был неправ, заявив, что никто на этом съезде не вспомнил о Польше. Один из старейших и важнейших чешских депутатов, Ригер⁵, когда-то бывший упорным сторонником Австрии, а ныне сделавшийся русофилом, один из тех, кто ищет спасения своей стране не в твердости принципов, а в ловкости дипломатических интриг, устыдился все же подлого молчания всех этих собравшихся вместе славян о великом и несчастном славянском народе, не представленном на съезде, и в своей речи, весьма робкой, трусливой, полной оговорок и уступок палачам того народа, любезным гостеприимством которого он пользовался⁶, осмелился все же сказать, что Польша имела право занять свое законное место на славянском съезде. Возражал ему князь Черкасский⁷. Старый славянофил и сторонник древней боярской Московии, князь Черкасский прославился тем, что больше всех приложил усилий к сохранению телесных наказаний в наших сельских общинах; рьяный полонофоб, он был в числе добровольных помощников статского советника Милютина, вместе с ним отправившихся после победы в Польшу, чтобы демократизировать ее на российский лад. Заметьте: большинство этих демократов-реформаторов воротилось домой, набив карманы. Разумеется, именно этому глубокому знатоку польского вопроса подобало дать ответ Ригеру.

Он сказал: «Польша — это преступная и предательская славянская страна; она потеряла всякое право на наши симпатии и даже на наше сострадание. Все же сердце у нас не каменное, если она обратится к нам без своей обычной дерзости и гордыни, а раскаявшаяся, смиренная, униженно попросит... ну, тогда, но только тогда, мы сможем, пожалуй, простить ее!»⁸

И ни один из славянских депутатов не покинул зала после этой речи! Пойми же, Герцен, что ни твое, ни мое имя не должны были, не могли быть произнесены на этом собрании.

Не таков был характер первого Славянского съезда, который состоялся в Праге в 1848 г. Он не был выражением отчаяния, забвения всех принципов, всех прав, всех убеждений и всякого человеческого достоинства, как московский съезд, порождение глубокой деморализации, охватившей Европу после разгрома революций 1848 и 1849 годов, после катастрофы при Новаре⁹, покорения Венгрии, декабрьского государственного переворота¹⁰, победы политики Кавура, кровавого подавления последнего польского восстания, побед австрийцев и пруссаков в Дании, наконец, последних успехов прусско-бисмарковской политики объединения всей Германии¹¹... одним словом, следствием установления в Европе повсеместного господства правящего насилия.

Пражский же съезд был порожден революцией. За ним была вся молодежь, все благородство, вера, убежденность — увы! — утраченная теперь убежденность, которая была все-таки залогом жизни и гарантией будущего. В небольшом сочинении, которое я скоро выпущу в свет, я расскажу о работе этого съезда и своем участии в нем¹². Но прежде чем закончить это письмо, я должен кое-что прибавить.

Отдыхая от публицистической деятельности, некоторый журналист занимался деятельными приготовлениями к приему славянских гостей.

КАРИКАТУРА НА «БАНКЕТНОЕ»
НАПРАВЛЕНИЕ В ПОДГОТОВКЕ
СЛАВЯНСКОГО СЪЕЗДА В МОСКВЕ

«Искра», 23 апреля 1867 г.

Съезд выплился в серию торжественных обедов и приемов. На карикатуре изображен один из организаторов съезда — И. С. Аксаков, редактор газеты «Москва»

¹ Возможно, Бакунин читал не только отчеты о съезде в русских газетах, но ознакомился с изданием «Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года» (М., 1867), подготовленным секретарем Славянского комитета Н. А. Поповым и выпущенным редакцией «Известий Московского университета» сразу по завершении съезда.

² Еще по пути на съезд, в Петербурге, славянские гости были приняты министром иностранных дел кн. А. М. Горчаковым и министром народного просвещения гр. Д. А. Толстым, представлялись Александру II и «августейшей фамилии», а в Москве они посетили генерал-губернатора кн. В. А. Долгорукова и митрополита Филарета. В ходе съезда, 18 мая, состоялось заседание в Московском университете совместно с депутациями от восемнадцати ученых обществ, на котором с речами выступали ректор университета профессор С. И. Баршев, президент Императорского общества любителей естествознания профессор Г. Е. Шуровский, секретарь Общества древнерусского искусства профессор В. И. Буслаев, секретарь Общества любителей российской словесности П. К. Щербальский и др. На публичном заседании этого общества 19 мая, помимо речей его председателя Н. В. Калачева, И. С. Аксакова, поэт А. Н. Майкова, фольклориста П. А. Бессонова, читались стихи Ф. И. Тютчева, Б. Н. Алмазова, К. С. Аксакова, Ф. Б. Миллера, кн. Цертелева. На банкетах и разных торжествах, сопровождавших съезд, выступали с речами также М. П. Погодин, профессор истории С. М. Соловьев, секретарь Славянского комитета Н. А. Попов, городской голова кн. А. А. Щербатов; состоялись встречи славянских участников съезда с Ю. Ф. Самариным, А. И. Кошелевым и другими лидерами славянофильства, а также с редакторами «Московских ведомостей» М. Н. Катковым и П. М. Лентовым.

³ Запись, сделанная участником съезда, редактором венского русинского журнала «Страхопуд» И. Н. Ливчаком в альбом кн. Е. Э. Трубецкой, фрейлины императрицы, воспроизведена в статье без подписи, озаглавленной «Внушительный разговор» («Весть», 1867, № 58, 22 мая). Герцен иронически комментирует эти слова Ливчака в статье «Вопросы, запросы, загадки и сфинксы» («Колокол», л. 243 от 15 июня 1867 г. — XIX, 275—276).

⁴ Имеется в виду речь ректора Московского университета С. И. Баршева на прощальном обеде в честь славянских гостей в Московском купеческом собрании 26 мая 1867 г. (см.: «Всероссийская этнографическая выставка...», с. 401—402).

⁵ Франтишек Ладислав *Rigier* (1818—1903) — чешский политический деятель и публицист, руководитель либеральной партии старочехов. В своей речи на сокольничьем банкете в Москве 21 мая 1867 г. (в нем участвовало шестьсот человек), он, оговорив свое неодобрение польскому восстанию, призывал русских признать «право» «побежденных братьев»-поляков «на свое народное существование» («Всероссийская этнографическая выставка...», с. 342—348). Герцен упоминает о речи Ригера в статье «Катковское „Vive la Pologne!“» («Колокол», л. 243 от 15 июня 1867 г.; XIX, 273).

⁶ Ф. Л. Ригер вместе с другим чешским либеральным лидером, Ф. Палацким, приехал на Славянский съезд из Парижа, где они под предлогом посещения Всемирной выставки вели безуспешные переговоры с Наполеоном III о дипломатической поддержке их требований упредить чешскую автономию в составе Австрийской империи. Путь Ригера и Палацкого в Петербург лежал через Польшу и Литву, где им был устроен торжественный прием в Варшаве 6 мая, а затем в Вильно.

⁷ Князь Владимир Александрович *Черкасский* (1824—1878), публицист славянофильского направления, будучи в годы подготовки крестьянской реформы членом Редакционных комиссий, выступил с проектом, предусматривавшим в будущей сельской общине оставление за дворянином-землевладельцем права телесного наказания крестьян (до восемнадцати розог), вообще права суда, опеки и надзора. В 1864—1866 гг. Черкасский был главным директором и председательствующим в правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского:

⁸ Стенографический отчет о речи Черкасского на банкете 21 мая (фрагмент которой изложен Бакуниным) опубликован в «Московских ведомостях» (1867, № 113 от 24 мая). См. также: «Всероссийская этнографическая выставка...», с. 356—363. Герцен писал о ней в статье «Мазурка» («Колокол», л. 243 от 15 июня 1967 г.; XIX, 272).

⁹ Речь идет о поражении при Новаре 23 марта 1849 г. армии Пьемонта в войне против Австрии (военные действия были начаты королем Пьемонта Карлом Альбертом 20 марта под воздействием подъема национально-освободительной борьбы народа Италии, однако боязнь народной революции и бездарность генералов привели его армию к разгрому уже через три дня).

¹⁰ Государственный переворот во Франции 2 декабря 1851 г., приведший к власти Наполеона III.

¹¹ Война Австрии и Пруссии против Дании 1864 г. привела к отторжению от Дании герцогств Шлезвиг и Гольштейн. А затем, в июне 1866 г., Пруссия развязала войну с Австрией, в результате которой добилась гегемонии в Германском союзе; часть мелких немецких государств она просто присоединила к своей территории.

¹² Этот замысел, очевидно, не был осуществлен.